

— Мое сердце не бьется. Любая эмоция, которую я испытываю, быстро угасает. Таким образом, мои желания, чувства и воспоминания стираются, как тусклые краски. Даже этот момент, который я провожу со всеми вами.

Аззи осторожно подбежала с набитым мясом ртом. Но увидев вампиршу, она просто села на место и начала рвать остатки мяса.

Вампирша смотрела на Аззи отстраненным, вспоминающим взглядом.

— Я не нуждаюсь в еде, потому что не ощущаю голода, поэтому ни запах, ни вкус не могут принести мне счастья. Даже если бы передо мной был пышный пир, я не могла бы радоваться, как Король Собак.

— Но тебе нравится вкус крови, не так ли?

— Это то, как ты про это думал? Вкус — это метафора. Я просто ищу «самую близкую» кровь, потому что кровь того же рода, что и моя, приносит удовлетворение.

Вампирша слегка отчитала меня, прежде чем снова посмотреть вдаль.

— Вот почему в моих чувствах нет тепла; они просто мерцают в моем сознании, как звезды. Слабый звездный свет в темном ночном небе может таить в себе утонченную красоту,

но он не может согреть холодную землю. Мои чувства ненадолго вспыхивают, прежде чем исчезнуть, лишённые тепла.

Несмотря на свою печально известную репутацию, вампирша бросила вызов мировым слухам и показала себя добросердечной. Хотя ее личность, безусловно, сыграла свою роль, была и дополнительная неоспоримая причина.

Обычно люди становятся более снисходительными к вещам, которые не могут причинить им вреда.

Если быть точным, они мало что ощущают к ним.

Вампирша была естественно невосприимчива к физической боли и эмоциональной боли. Даже если кто-то колот ее ножами и копьями и плевал ненавистными проклятиями, она могла отмахнуться от всего этого, как от гулкой мелодии соловья прошлой ночи.

Было ли это жестоко по отношению к ней? Нет, люди должны быть благодарны за это.

Если бы Прародительница Тырканзяка не обладала чуткостью, чтобы находить красоту даже в обыденной повседневности, если бы она не была девушкой, которая могла предаваться созерцанию, цenia спокойный звездный свет...

Тогда человечеству пришлось бы столкнуться с королевой вампиров, во много раз более холодной и безжалостной, чем сейчас.

— Даже когда Финли обижался на меня, я не возражала. Покончить с его жизнью было все равно, что прибраться в старом ящике. Так было всегда, и так будет всегда. Я питаю к тебе определенную нежность, но даже если бы ты внезапно погиб, я бы не дрогнула. Мимолетная боль печали пронзит мои мысли, и после пройдет.

Как резко.

Конечно, я понимаю, что это метафора, но в пример нужно ставить мою смерть? Я не против, если ты даже не дрогнешь, так что не могла бы ты спасти меня?

Вампирша не знала, что невольно напугала меня. Она скрестила руки, прижимая зонтик к груди.

— Однако только в то мимолетное мгновение, когда твой палец касается моего сердца, я могу ощутить эмоции, пробегающие по моему телу. В этот момент мое тело становится одновременно моим и не моим. Мое сердце бьется горячо, независимо, а легкие дышат без нужды. Пожизненный холод, живущий в моей груди, уступает место теплу.

Даже когда она обхватила грудь руками, все, что она могла чувствовать, это холод. Вампирша развела руки и бросила одинокий взгляд вниз.

— Если бы я никогда не знала этого, было бы лучше. Но теперь, когда я это знаю, пути назад нет. Это была длинная ночь, но уже рассвело. Тем не менее, ты ожидаешь, что я поверну время вспять и вернусь в темную, холодную ночь. Разве это не слишком жестоко?

И тут наши взгляды снова встретились. Ее кроваво-красный взгляд пронзил меня с головы до пят, когда она с безмятежным спокойствием излагала свои мысли. Затем она раскрыла свое желание как своим голосом, так и своим разумом.

— Я умоляю тебя, стань моим сердцем.

Ее долгожданная надежда вынырнула из бездонных глубин тьмы, где небо оставалось невидимым, и даже земля покинула.

Я был напуган.

Она выставила это очень романтично. Эмоции в ее словах были такими пылкими, что я с трудом верил, что они исходят от вампириши с неподвижным сердцем. Даже я замешкался на мгновение.

Но у меня была способность читать мысли. Прочитав истинное жестокое значение ее слов, я был потрясен. Стать ее сердцем? Этим она буквально хотела, чтобы я стал внешним, присоединяемым сердцем, которое приходило при щелчке пальцем, чтобы воткнуться ее в грудь, когда ей захочется!

— Если подумать, я до сих пор не знаю твоего имени...

— Забудь об этом.

Я быстро прервал её, прежде чем она скажет что-то ещё. Разговор прервался, словно отрезанный ножом. На мгновение обида наполнила ее глаза.

— Ты до сих пор не усвоила урок после всего, что произошло? Говорю тебе, у тебя будут еще большие неприятности, если ты будешь отдавать свое сердце кому попало.

— Значит, ты подходишь для этого.

— Нет, как я и сказал. Почему ты мне доверяешь? Что, если я просто промыл тебе мозги? Что тогда?

Я сделал вид, что сопротивляюсь, намереваясь дать решительный отказ, но реакция вампириши была далека от той, что я ожидал.

— Если это ты, я не против.

Ее спокойное заявление озадачило меня до такой степени, что даже с моей способностью читать мысли я был ошеломлен, и мне пришлось предпринять еще одну попытку понять ее.

Я снова сосредоточился на ее мыслях, полагая, что она научилась шутить еще до того, как я это заметил.

«Если я все равно должна кому-то довериться, если я должна поставить себя на весы, то я скорее доверюсь той стороне, которая нравится моему сердцу.»

Я имею в виду, она была в своем уме? Такого доверчивого человека я еще не встречал.

Всему есть предел. Даже бессердечные игроки не удосуживались воспользоваться деньгами маленьких детей. Мне было бы жалко воспользоваться такой наивностью.

Так что я решительно отклонил просьбу вампирши.

— Но я возражаю. Я не хочу становиться чьим-то сердцем, даже если это стажёр.

Вампирша выразила сильное разочарование моим бескомпромиссным отказом.

Однако даже такое горе было мимолетным. Ее разочарование быстро исчезло, за ним последовало спокойствие. Она не сдавалась. Ее чувства пронеслись мимо нее, словно плывя по течению реки, которая все смыла.

В такие моменты я ненавижу чтение мыслей. Пришлось оттолкнуть ее, просто отпустить. Но глядя на нее, я заразился сожалением.

— Но все же ты не откажешься от своего сердца, верно?

Вампирша не ответила. Молчание не обязательно гарантирует подтверждение, но если его взвесить на весах, оно определенно склоняется к согласию. Я полагал, что она не сделает ничего столь же глупого, как доверие своего сердца кому-то вроде Финли. Но я предсказывал, что она будет заниматься чем-то подобным.

Хаа. серьезно. Я вытер лоб и вздохнул.

— Тогда, думаю, лучше уж это буду я.

— Ты только что сказал, что сделаешь это? Тогда...

Ее лицо осветилось, как распустившийся цветок. Учитывая, что ее так легко читать, вполне возможно, что она могла попасться на крючок, леску и грузило какого-нибудь другого мошенника... в буквальном смысле.

Не имея выбора, я протянул руку и схватил вампиршу за руку.

— Причина, по которой надежда ускользает у тебя сквозь пальцы, не в том, что твои руки, Стажер Тырканзяка, неоправданно велики, и не в том, что надежда крошечная и хрупкая.

Теперь она даже не ругала меня за то, что я прямо держал ее за руку. Никакого осознания опасности. Она игнорировала элементарную грубость только потому, что я немного сблизился с ней.

Я сложил ее маленькие и холодные пальцы один за другим, от мизинца до большого пальца.

— Просто ты не вложила достаточно силы между пальцами.

Нам нужно было отчаянное желание. Я крепко соединил ее пальцы и прижал их к груди вампирши. Она посмотрела на меня ожидающими глазами.

Ху. Я действительно, действительно не собирался этого делать.

— Я не твоё сердце, стажёр. Я также не хочу им быть. Потому что я не хочу без устали заставлять его биться каждое мгновение, я не буду это делать, если мне не хочется, и большую часть времени я буду далеко от тебя.

Даже я не мог отвернуться, услышав чье-то желание так близко. Точно так же, как пророк связан будущим, ему суждено быть поглощенным им, так и телепат не может быть свободен от чужих эмоций.

— Вместо этого я покажу тебе, как это сердце может снова начать биться.

<http://tl.rulate.ru/book/74815/3219797>